

«Коль не безумен совсем ты, сравни это все и подумай:

Образ напомнит пусть твари земной, что дух свой всем выше

Надо нести...»³⁹⁷

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. Эти слова мы еще раз истолкуем иначе и заметим две вещи, во-первых, по поводу выше неоднократно встречавшихся слов: «И увидел Бог, что это хорошо», — во-вторых, относительно того, что тут говорится: *все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.* Там сказано: «хорошо», а здесь: *хорошо весьма.*

Что касается первого, то, согласно комментариям Фомы к кн. IV, блаженство пребывает в разуме субстанциально, а в воле — формально, под видом и именем цели либо блага или же наслаждения. Так и все без исключения вещи обладают благостью субстанциально из того же источника, откуда они заимствуют бытие или способность к существованию, — ибо благое и сущее обратимы друг в друга; а формально они обладают благостью в соответствии с местом в общем порядке либо в связи с устремленностью³⁹⁸. Кн. 1 «Этики»: «Благим называется то, к чему все устремляется»³⁹⁹. И рабби Моисей говорит по поводу обсуждаемых слов: благо есть то, «что соответствует нашему разуму»⁴⁰⁰.

Итак, всякое действие или произведение обретает совершенный смысл блага из двух источников: первое, субстанциально, — через свою форму, посредством каковой оно имеет и бытие; второе, формально, — благодаря соответствию воле производящего, или тому удовлетворению, каковое тот испытывает [по поводу произведения], ибо оно отвечает его усмотрению и произволению. Бог, и только Он, является в собственном смысле причиной того, что вещи состоят в бытии, и бытие пребывает в вещах. Здесь перед нами первое и сущностное обоснование добра, ведь благое и сущее обратимы друг в друга.

Ну а что же бытию, каковым является Бог, может понравиться так, как само бытие вещей и в вещах бытие, вещи в бытии и благодаря бытию? Вот это-то и есть второй, формальный смысл бытия, а именно то, что произведение нравится производящему и соответствует его усмотрению и намерению. И об этом здесь говорится: «И увидел Бог, что это хорошо».

Тут надо заметить, что вообще деяние и всякое произведение, восходящее к какой-либо причине, есть нечто благое. Ибо зло — не деяние, но отпадение [от бытия]⁴⁰¹, и оно не имеет причины. Да, зло вообще есть нечто такое, что не имеет причины. Спрашивать о причине зла — это все равно, что спрашивать о причине ничто. «Ибо зло есть ничто»⁴⁰². Поскольку действие всякой причины имеет бытие и поскольку действие — тварно или содеяно и не является отпадением [от бытия], постольку оно субстанциально благое. Ведь благое и сущее, как было сказано, обратимы друг в друга.

Тогда, если всякий, кто делает, производит подобное себе и всякое подобное любит свое подобие, то производящий находит удовлетворение в произведении, и это есть формальный момент в благе. Так все, произведенное некой причиной, является благом и созерцается в качестве блага. «И увидел Бог, — говорится, — что это хорошо».

Но поскольку Бог, и только Он, есть причина бытия в вещах и так как бытию самому по себе